

Интервью с детьми блокады в Школе № 72

Людмила Николаевна:

Когда началась война, мне было семь лет. Мы с бабушкой тогда были на даче. Мы увидели самолёт и нам сказали, что это не наш самолёт, а фашистский. Мама

приехала, взяла нас и через неделю это место, где мы были на даче, заняли немцы. Мы с мамой последним поездом приехали домой в Ленинград. Наверно было страшно, но нам как детям было интересно. Мы жили на Васильевском острове в доме на шестом этаже, поэтому когда была воздушная тревога, надо было спускаться вниз. Мы сначала спускались и просто смотрели. А дальше очень быстро началась зима. Было очень холодно, до 40 градусов мороза. Отопление у нас было печное, надо было собирать дрова.

Я после войны поняла, что мама и бабушка от своих 125 граммов хлеба отдавали мне, так я одна выжила из всей семьи. Умерла мама, потом бабушка.

Jungen brauchten militärische Ausbildung, und wir Mädchen nähten Pantoffeln und Handschuhe. Wenn Luftalarm war, erhoben wir uns von den Bänken, ab ging es in den Luftschutzkeller. Mal war es im Keller dunkel, mal brannte eine kleine Lampe. Wir saßen still da. Vielleicht fehlten uns damals schon die Kräfte. Manchmal erzählten uns die Lehrer irgendetwas, manchmal lasen sie uns vor, manchmal haben wir Mathematik gemacht. Es gab Tage, an denen wir den größten Teil der Zeit im Luftschutzkeller verbrachten. Aber wir lernten, bereiteten Konzerte vor und begingen Feiertage. Neben unserer Schule war ein Hospital, und wir traten dort auf. Die älteren Mädchen halfen, schrieben Briefe und führten die Verwundeten spazieren. - Den ersten Winter 1941|42 verbrachte ich im Haus, lag im Bett, man ließ mich nicht auf die Straße. Deshalb sah ich die Leichen auf den Straßen nicht. Im Frühling wurde es besser. Wir pflanzten Gemüse. Alle erhielten Lebensmittelkarten, die Karten gaben wir in der Schule ab und erhielten Schulspeisung, ein warmes Frühstück und ein Mittagessen aus drei Gängen. Manchmal ließ ich Brot übrig und brachte es mit nach Hause, für meine Tante. Ende Januar 1944 nahm man die Tarnung ab und die Stadt verwandelte sich.

Папу с фронта отпустили, маму похоронили, и папа вернулся на фронт. Он прислал вот эти последние письма, погиб в 44ом году. Я осталась здесь в Ленинграде. Меня взяла мамина сестра, тётя моя родная.

В 41ом году были бомбёжки, а потом начались обстрелы. В 42ом году я в школу пошла. Школа была у нас совместная, мальчики и девочки. А с 43ого года уже разделили обучение, сказали, что мальчикам нужно военное дело, а девочки шили тапочки, рукавички. Когда объявлялась воздушная тревога, из-за парт вставали, в бомбоубежище. В подвале иногда было темно, иногда лампочка была. Мы сидели тихо. Может быть у нас тогда сил уже не было. Иногда учителя нам что-нибудь рассказывали, иногда нам читали, иногда мы математикой занимались. Были дни, когда мы большинство времени проводили в бомбоубежище. Но мы учились и готовили концерты, и праздники отмечали.

Антонина Васильевна

Выжить мне помогла дисциплина. Строгая дисциплина. У нас не было споров: Мама сказала – значит всё. Мама нам дала кусочек хлеба и сказала: «Вот это на три дня, какая бы ни была норма. Обо всём заботилась мама. Когда мама на 10 дней ходила на казарменное положение, мы сами дрова собирали. Когда мама была дома, она всё делала, а когда она была на работе, дети сами покупали хлеб и занимались хозяйством.

Мама работала на третьей мебельной фабрике. Когда она приезжала с работы, она всегда на саночках дров привозила.

Однажды был такой случай: мама шла на работу пешком, видит, как женщина снимает валенки с мужчины. «Что ты делаешь? Он же живой!» «Нам подходят. Если он сейчас умрёт, тогда уже не снимешь с него валенки.» «Где ты живёшь?» мама спросила мужчину. «На Охте.» «Давай его на санки!» Его привезли на саночках домой.

Рядом с нами был госпиталь и мы ходили выступать. Старшие девушки помогали: писали письма, раненых водили погулять. Первую зиму в 41ом/42ом году я была дома, в кровати лежала, меня на улицу не пускали. Поэтому я трупы на улице не видела. Весной стало лучше. Мы овощи сажали. Все получали карточки, мы карточки сдавали в школу и получали школьное питание, завтрак горячий и обед из трёх блюд. Иногда я оставляла хлеб, приносила домой, для тётки. В конце января 1944 сняли маскировку и город преобразился.

Ljudmila Nikolaevna

Als der Krieg begann, war ich 7 Jahre alt. Großmutter und ich waren damals auf dem Land im Sommerhaus. Wir sahen ein Flugzeug und man sagte uns, dass das keines unserer Flugzeuge sei, sondern eines der Faschisten. Meine Mutter kam, holte uns ab, und eine Woche später nahmen die Deutschen den Ort ein, wo wir auf der Datscha gewohnt hatten. Meine Mutter und ich fuhren mit dem letzten Zug zurück nach Leningrad.

В сентябре 42ого года нас эвакуировали через Ладогу на катере. Дорога была опасной. Нас привезли к Ладожскому озеру и объявили нам: «Ни слова. Никто ничего не должен говорить. Молчать! Чтобы не было шума.» Нас повезли. Нам повезло. Мы ехали целый месяц. Приехали туда толстенькие, все толстые приехали. Мама знала: Если мы будем есть слишком много после голода, мы умрём. Люди умирали только потому, что их перекормили. Мама нам в начале только по кусочкам давала. Когда фронт отступал от Ленинграда, к нам приехали, забрали, а 42го весной нас позвали в школу. Давайте, чтобы не было больше подобного. Пусть наши внуки и правнуки живут спокойнее.

Antonina Vasilevna

Zu überleben half mir meine Selbstdisziplin. Eine strenge Disziplin. Bei uns gab es keine Diskussion: Mutter sagte etwas und das war es. Wenn Mutter für 10 Tage zur Arbeit ging und Tag und Nacht dort blieb, sammelten wir Brennholz, kauften Brot ein und machten die Hausarbeit. Wenn Mutter zu Hause war, kümmerte sie sich um alles. Mutter arbeitete in der Möbelfabrik Nr. 3. Wenn sie von der

Sicherlich war es schrecklich, aber zunächst war es (für uns Kinder) interessant. Wir wohnten in einem Haus auf der Vassilij-Insel im 6. Stock, d.h. bei Luftalarm mussten wir uns hinunter begeben. Anfangs gingen wir hinunter und guckten einfach. Aber dann begann bald der Winter. Es war sehr kalt, minus 40 Grad Frost. Wir hatten Ofenheizung und mussten Brennholz sammeln.

Nach dem Krieg verstand ich, dass meine Mutter und meine Großmutter mir von ihren 125 Gramm Brot abgegeben hatten, so überlebte ich als einzige aus der Familie. Meine Mutter starb, dann die Großmutter. Vater bekam Urlaub von der

Front, wir beerdigten meine Mutter, und Vater kehrte an die Front zurück. Er schickte diese letzten Briefe, 1944 fiel er an der

Front. Ich blieb hier in Leningrad. Mich nahm die Schwester meiner Mutter, meine Tante, auf. 1941 wurde die Stadt bombardiert, dann unter Beschuss genommen. 1942 kam ich in die Schule. Es war eine Schule für Jungen und Mädchen. Aber ab 1943 wurde der Unterricht geteilt, man sagte, die

Arbeit zurück kam, brachte sie immer auf einem Schlitten Brennholz mit.

Eines Tages geschah Folgendes: Mutter geht zu Fuß zur Arbeit und sieht, wie eine Frau einem Mann die Filzstiefel auszieht. "Was tust du da? Er lebt doch noch!" "Sie passen uns. Wenn er jetzt stirbt, kann man ihm die Stiefel nicht mehr ausziehen." "Wo wohnst du," fragte Mutter den Mann. "Auf der Ohta." "Lassen Sie uns ihn auf den Schlitten legen." Sie brachten ihn auf dem Schlitten nach Hause.

Im September 1942 evakuierte man uns über den Ladogasee auf einem Boot. Der Weg war gefährlich. Man brachte uns zum Ladogasee und sagte: "Kein Wort. Niemand darf etwas sagen. Es darf kein Laut zu hören sein." Man brachte uns hinüber. Wir hatten Glück und kamen ans andere Ufer. Wir waren einen ganzen Monat lang unterwegs. Alle nahmen unterwegs zu. Mutter wusste: Wenn wir nach dem Hunger zu viel essen, würden wir sterben. Menschen starben einfach deshalb, weil man ihnen zu viel zu essen gab. Mutter gab uns zunächst nur kleine Bissen.

Als die Front von Leningrad abrückte, kam man uns holen, und ab Frühling 1942 rief man uns wieder in die Schule. Hoffen wir, dass so etwas nie wieder kommt. Mögen unsere Enkel und Urenkel ruhiger leben.